

А.И. Иванчик

ОСНОВАНИЕ СИНОПЫ. ЛЕГЕНДЫ И ИСТОРИЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ¹

История основания Синопы и ее мифическая «праистория» наиболее подробно излагаются в анонимном перипле «Ad Nicomedem regem» (Псевдо-Скимн), написанном ямбами сочинении рубежа II–I вв. до н.э. Интересующий нас отрывок находился в утерянной части рукописи D (Codex Parisinus graecus supplementi 443), содержавшей, среди других, и перипл «Ad Nicomedem regem». Этот отрывок сохранился лишь в составе компиляции, написанной, видимо, не раньше второй половины VI в. н.э. – анонимного «Перипла Понта Евксинского» (986–997 Diller = Anon. Peripl. Pont. Eux. 22, 8v 35–38)²:

(Σινώπη πόλις) ἐπώνυμος
Ἀμαζόνων τῶν πλησιοχώρων (ἀπὸ) μιᾶς
ἦν ποτε μὲν ᾤκουν ἐγγενεῖς ὄντες Σύροι,
μετὰ ταῦτα δ', ὡς λέγουσιν, Ἑλλήνων ὅσοι
990 ἐπ' Ἀμαζόνων διέβησαν, Αὐτόλυκός τε καὶ
σὺν Δηλιέοντι Φλόγιος, ὄντες Θετταλοί·
ἔπειτα (δ') Ἄβρων τῷ γένει Μιλήσιος,
ὑπὸ Κιμμερίων οὗτος (δ') ἀναιρεῖσθαι δοκεῖ·
μετὰ Κιμμερίουσ Κῶος πάλιν δὲ Κρητίνης
995 οἱ γενόμενοι φυγάδες (τε) τῶν Μιλησίων.
οὗτοι συνοικίζουσι δ' αὐτὴν ἡνίκα
ὁ Κιμμερίων κατέδραμε τὴν Ἀσίαν στρατός. –

«Город Синопа, получивший название от одной из амазонок, живших поблизости; его когда-то населяли местные сирийцы, а затем, как говорят, те греки, которые совершили поход против амазонок – Автолик и Флогий с Деилеонтом, фессалийцы; потом Хаброн, родом милетец, который, кажется, был убит киммерийцами; после киммерийцев – снова Кой и Кретин, милетские изгнанники. Они восстановили³ его (город), когда войско киммерийцев совершило набег на Азию».

¹ Первый вариант этой статьи вошел в состав более обширной работы: *Ivančik A.I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsetappe der griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // The Greek Colonization of the Black Sea: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsatskhelidze (Historia, Einzelschriften. 121). Stuttgart, 1998, S. 297–330. Многие аспекты предлагаемой здесь статьи я не раз обсуждал с Ю.Г. Виноградовым. Хорошо известно, что греческая колонизация Черного моря находилась в центре его научных интересов, и неудивительно, что эти обсуждения неизменно были очень интересны и плодотворны. Их результаты, а также выход в свет некоторых новых публикаций побудили меня предложить здесь новый, переработанный вариант исследования об основании Синопы, который я посвящаю светлой памяти Ю.Г. Виноградова, прекрасного ученого и преданного друга.*

² *Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers (Philological Monographs Published by the American Philological Association. 14). Lancaster – Oxford, 1952. P. 19–22, 102–113, 165. Н. Эрхардт (Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt – Bern – New York, 1983. S. 326) ошибочно полагает, что этот пассаж сохранился в текстах как Псевдо-Скимна, так и анонимного «Перипла».*

³ О значении слова *συνοικίζειν* см. *Holleaux M. Polybe et le tremblement de terre de Rhodes // Études d'épigraphie et d'histoire grecques. I. P., 1938. P. 450–451. Not. 5; Robert J., L. Bulletin épigraphique // REG. 1958. 71. P. 251; Casevitz M. Le vocabulaire de la colonisation en grec ancien. Etude lexicologique: les familles de κτίζω et de οἰκέω – οἰκίζω. P., 1985. P. 202–205. Это слово – terminus technicus с значением «восстанавливать / вновь заселять разрушенный город, собирать его рассеянное после разрушения население» (см. *Eur. Нес. 1130; Lys. С. Леос. 62; Polyb. 5. 90. 3* и цитированные в указанных работах надписи; ср. также ряд примеров такого употребления слова в эллинистической эпиграфике: *Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и**

Прежде чем перейти к рассмотрению этого текста, следует кратко прокомментировать имя упомянутого в стк. 992 основателя Синопы "Αβρων, поскольку оно было причиной существенных разногласий. До сих пор в литературе наиболее распространена форма этого имени – Habrondas. Она восходит к конъектуре А. Майнеке, который вначале исправлял чтение единственной известной ему рукописи V (Vaticanus Graecus 143), 'Αβρώντας на "Αβρων τῶ, однако впоследствии предпочел эмендацию 'Αβρώνδας⁴. Последняя конъектура была затем принята К. Мюллером, пользовавшимся той же единственной рукописью⁵, а его издание почти сто лет было стандартным для перипла, что очевидно, и объясняет популярность этого чтения. Из формы имени основателя Синопы, которое считалось беотийским, даже пытались делать далеко идущие выводы, например о присутствии беотийского элемента среди синопских колонистов⁶. Однако после появления нового критического издания⁷ выяснилось, что независимая рукопись В (Vatopedensis 655), подтверждающая раннюю конъектуру А. Майнеке, дает чтение "Αβρων τῶ, которое и должно быть восстановлено в тексте (кстати, и конъектура А. Майнеке ἐγγυεῖς вместо εὐγγυεῖς рукописи V в стк. 988 также подтверждается рукописью В)⁸. Однако и после появления этого издания в литературе часто по инерции продолжает использоваться устаревшая конъектура А. Майнеке⁹. Имя "Αβρων и его производные чрезвычайно широко распространены¹⁰.

В этой связи следует еще упомянуть недавно опубликованную книгу А. Ланджеллы, специально посвященную литературной традиции об основании Синопы¹¹. К сожалению, эта книга крайне неудачна: она представляет собой набор весьма сомнительных, а часто и просто неприемлемых догадок и гипотез, сопровождаемых весьма слабой аргументацией (ср. ниже). Толкованию имени основателя Синопы автор посвящает целую главу¹², но результат ее изысканий разочаровывает. Несмотря на то что она упоминает издание А. Диллера, это издание известно ей, по всей видимости, лишь из вторых рук. В самом деле, она игнорирует тот факт, что чтение "Αβρων τῶ засвидетельствовано рукописью и говорит о нем как о конъектуре Диллера (принадлежность конъектуры "Αβρων τῶ А. Майнеке остается ей неизвестна). Отвергнув эту «конъектуру», она предпочитает сохранять в тексте невразумительное чтение

возрожденный // НЭ. 1999. 16. С. 60–64). Ср. сочетание слов πάλιv и συνοικήσειv у Еврипида (Нес. 1139), находящее близкую аналогию в тексте Псевдо-Скимна: μή Τροίαν ἀθροίση καὶ ξυνοικήσει πάλιv. Дж. Хайнд ошибочно переводит «jointly founded»: *Hind J.G.F. The Colonisation of Sinope and the South-East Black Sea Area* // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–VI вв. до н.э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1988. P. 211.

⁴ Scymni Chii Periegesis et Dionysii Descriptio Graeciae / Ed. A. Meineke. Berolini, 1846. P. 61; Stephani Byzantii Ethnorum quae supersunt / Ex rec. A. Meineke. Berolini, 1849. P. 571.

⁵ GGM. I. P. 236.

⁶ *Bilabel F. Die ionische Kolonisation* (Philologus. Suppl. XIV. 1). Lpz. 1920. S. 33, 151–152 (дополнительным аргументом считалась беотийская локализация реки Азоп, ср. ниже).

⁷ *Diller. Op. cit.*

⁸ *Ibid.* P. 122.

⁹ См., например, *Sakellariou N.B. La migration grecque en Ionie*. Athènes, 1958. P. 63–64 (он отмечает шаткость построения Ф. Билабеля, но использует при этом форму имени 'Αβρώντας); *Graham A.J. The Date of the Greek Penetration of the Black Sea* // Bulletin of the Institute of Classical Studies (University of London). 1958. 5. P. 34; *Drews R. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea* // JHS. 1976. 96. P. 25–26; *Hind. Op. cit.* P. 211 (считает варианты Habrondas и Habron равноправными); *Parker V. Bemerkungen zu den Zügen der Kimmerier und der Skythen durch Vorderasien* // Klio. 1995. 77. S. 9 и др.

¹⁰ См., например, *Robert L. Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine*. I. P., 1963. P. 232–234; *Fraser P.M., Matthews E.A. Lexicon of Greek Personal Names. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica*. Oxf., 1987. P. 1; *Osborne M.J., Byrne S.G. Lexicon of Greek Personal Names. II. Attica*. Oxf., 1994. P. 1–2. Попытки использовать это имя как свидетельство коринфского происхождения первых синопских колонистов (*Drews. Op. cit.* P. 26) совершенно безосновательны; ср. *Ehrhardt. Op. cit.* S. 327. Anm. 397.

¹¹ *Langella A. Sulle Origini di Sinope. Analisi della tradizione precoloniale e coloniale*. Napoli, 1997.

¹² *Ibid.* P. 91–93.

рукописи V Ἀμβρόντας, а затем тщится этимологизировать это фантомное имя, подбирая ему крайне неубедительные этимологии. На основании этих этимологий она объявляет «Амбронта» «персонифицированной эпиклезой» Зевса и отвергает его реальное существование как исторического персонажа. Ни один элемент этого построения не может быть принят.

Возвращаясь к тексту перипла, следует заметить, что в данном случае мы имеем дело, очевидно, с кратким изложением рассказа некоего, скорее всего эллинистического, автора, который свел воедино всю известную ему информацию о древнейшей истории Синопы, соединяя имевшиеся в литературе сообщения со сведениями, восходящими к местным преданиям, причем разные Gründungslegende объединил в одном повествовании. Рассмотрим подробнее отдельные элементы этого повествования.

Нимфа Синопа и амазонка Синопа. Традиция, связывающая название Синопы с именем нимфы, дочери Азопа (беотийский и сикионский речной бог, впрочем это название известно и в других районах Греции)¹³, зафиксирована очень рано – в одном из фрагментов Евмела Коринфского (FGrHist 451 F 5 = Schol. Apoll. Rhod. 197 Wendel)¹⁴. Датировка жизни этого поэта – конец VIII – первая четверть VII в. до н.э. – может считаться достаточно надежно установленной. Основным аргументом здесь служит более чем вероятное участие Евмела в событиях начала первой Мессенской войны¹⁵, что подтверждается и его синхронизмом с основателем Сиракуз Архием¹⁶. Если этот фрагмент аутентичен, то здесь можно было бы видеть упоминание Синопы, значительно предшествующее реальной дате основания одноименного города (наиболее вероятно – последняя четверть VII в. до н.э.), и предполагать, что оно отражает некие доколониционные контакты. Имя «Синопа» могло бы толковаться в этом случае как название мыса, на котором позже была основана колония. Однако вполне возможно, что фрагмент Евмела, независимо от своей даты, вовсе не имеет отношения к Понту. Этимология названия Синопы остается неизвестной, однако Л. Згуста, например, отказывается признать его местное происхождение, считая, что оно принадлежит греческому языку¹⁷. В пользу этого предположения можно заметить, что женское имя Σινώπη было достаточно распространено в греческом (Dem. XXII. 56; Athen. VIII. 339 a; XIII. 558 b, 567 f, 585 f–586 a (= Antiphan. fr. 22, 26, 40, 116, 170; Amphis Fr. 23; Anaxil. Fr. 22; Alexis fr. 104; Callicr. Fr. 1 Edmonds); Hesych., Suid., Phot. s.v. σινώπισαι (знаменитая афинская куртизанка); IG II², 12038 + SEG XXVIII, 336; IG II², 12614). Кроме того, еще одна греческая колония с тем же названием, видимо, существовала в Италии, на месте будущего города Синуесса (Plin. NH. 3. 5. 59; Liv. 10. 21. 8; ср. также реку под названием «Синопс» неизвестной локализации, эпиклезу Зевса Sinopites и холм Синопион возле Мемфиса в Египте: Dion. Per. 255; Eustath.

¹³ В Милете с V в. до н.э. существовала фила Asopis, что, возможно, следует связывать с этой традицией; ср. Sakellariou. Op. cit. P. 70–71.

¹⁴ О списке Азопид и его различных вариантах см. Bowra C.M. The Daughters of Asopus // Problems in Greek Poetry. Oxf., 1953. P. 54–65. Автор полагает, что включение Синопы в список Азопид принадлежит Евмелу Коринфскому (ibid. P. 59).

¹⁵ Bowra C.M. Two Lines of Eumelus // On Greek Margins. Oxf., 1970. P. 46–58. Ср. Graham. Op. cit. P. 35; Drews. Op. cit. P. 19. Ср. также Will E. Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. P., 1955. P. 124–129 – автор предполагает, что имя Евмела было связано не с поэмой одного автора, а со всей коринфской традицией. По его мнению, ее древнейшие элементы действительно восходят к VIII в. до н.э., однако позже они многократно перерабатывались, а фиксация в эпосе произошла достаточно поздно. Если это предположение, объясняющее наличие поздних элементов в поэме Евмела, справедливо, ее данные не имеют, конечно, никакого хронологического значения. О датировке первой Мессенской войны см. Forrest W. A History of Sparta. L., 1968. P. 21; Schneider J. La chronologie d'Alcman // REG. 1985. 98. P. 50–57.

¹⁶ Mosshammer A.A. The Chronicles of Eusebius and Greek Chronographic Tradition. Lewisburg – London, 1979. P. 198–203.

¹⁷ Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 34. Конкретное объяснение слова (предполагаемая связь с греческим σινάπι, «горчица»), однако, неприемлемо; ср. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. III. P., 1984. P. 735.

Dion. Per. 254; Schol. Dion. Per. 255, не исключено, что изложенная здесь легенда о доставке статуи Зевса Сераписа из Синопы в Египет является лишь попыткой объяснить древний эпитет, первоначально не имевший отношения к причерноморской колонии)¹⁸. Если имя Σινώπη действительно было известно в греческом языке до колонизации Причерноморья, то упоминание Евмелом дочери Азопа, носившей его, вполне может быть никак не связанным с милетской колонией¹⁹. Кроме того, достоверность данного фрагмента Евмела чрезвычайно сомнительна. Уже ранние авторы пользовались, очевидно, в основном прозаическим переложением поэмы Евмела, которое, видимо, было составлено еще в VI в. до н.э. (Paus 2. 1. 1; Clem. Alex. Strom. 6. 2. 26. 7)²⁰. Сама поэма скорее всего была утрачена уже в эллинистическую эпоху. Поэтому представляется неосторожным строить какие-либо исторические выводы на этом фрагменте²¹.

Традиция о дочери Азопа Синопе во всяком случае уже существовала в первой половине V в. до н.э. – поэтесса Коринна, современница Пиндара²², излагает миф, по которому Синопа была похищена Аполлоном и, возможно, перенесена в Малую Азию (fr. 654, II, 39 Page, рассказ сохранился в сильно поврежденном папирусном фрагменте, ср. Schol. Apoll. Rhod. 196 Wendel). С некоторыми вариациями тот же миф пересказывается еще рядом авторов, причем иногда указывается, что Синопа родила сына по имени Сир, эпонима местных жителей, известных в античной традиции как малоазиатские сирийцы, или «левкосирийцы» (Arist. Fr. 581 Rose; Apoll. Rhod. II. 946–954; Pilosteph. Fr. 3. Müller; Diod. IV. 72; Plut. Luc. 23.5; Dion. Per. 773–779; Val. Flacc. V. 110–113; Avien. Descr. orb. ter. 952–955; Et. Gen. s.v. Σινώπη, ср. Orphicorum fragmenta, ed. O. Kern, fr. 45, с другой генеалогией).

Легенда о нимфе Синопе весьма банальна во всех отношениях; подобные рассказы, созданные по одинаковой схеме (похищение богом нимфы, перенесение ее в другое место, которое получает название от ее имени, рождение ею эпонима местного народа), известны в десятках вариантов для многих греческих и негреческих городов и народов²³. Эта трафаретная легенда имеет явно литературное происхождение и,

¹⁸ Таким образом, мнение об уникальности названия Синопы и о том, что упоминание нимфы Синопы Евмелом по этой причине может иметь в виду только эпонимную героиню причерноморской колонии (см., например, *Langella*. Op. cit. P. 8), является ошибочным.

¹⁹ Э. Вилль уже предполагал, что совпадение имени нимфы Синопы и названия милетской колонии случайно. При этом он указывал, что все варианты генеалогии этой нимфы (дочь Азопа, или Ареса и Эгины, которая, кстати, включается в список Азопид, или Ареса и Парнассы) указывают на Центральную Грецию и не содержат ничего милетского или понтийского (Op. cit. P. 126–127. Not. 8).

²⁰ Ср. *Bethe E. Eumelos // RE. VI. 1907. Sp. 1081; Radermacher L. Mythos und Sage bei den Griechen. Wien, 1938². S. 159; FGrHist. III b. 1955. S. 297. О поздних элементах в «Коринфияка» и их возможном объяснении см. *Will. Op. cit. P. 124–129.**

²¹ А. Ланджелла (Op. cit. P. 9) считает возможным датировать данное сообщение Евмела первой половиной VII в. до н.э., хотя сама, вслед за Э. Виллем (см. выше), считает его поэму конгломератом разновременных свидетельств, восходящих к периоду между VIII и VI вв. до н.э., причем единственную возможность для датировки каждого свидетельства видит в анализе его содержания. В таком случае совершенно непонятно, почему содержание евмеловского фрагмента указывает именно на первую половину VII в. до н.э. (т.е. период до основания колонии), а не, скажем, на середину VI в. до н.э. Соответственно дальнейшие выводы автора, которые опираются на данную датировку фрагмента, теряют всякие основания. В частности, гипотеза о том, что коринфяне или беотийцы пытались основать колонию на месте Синопы, об их соперничестве с милетцами и пр., которая основывается лишь на генеалогии нимфы Синопы, восходящей к Евмелу, кажется мне чистой фантазией.

²² О времени жизни Коринны см. *Latte K. Die Lebenszeit der Korinna // Kleine Schriften. München, 1968. S. 499–507; Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. München, 1971³. S. 211–213.* Некоторые авторы, однако, считают, что она жила в эллинистическую эпоху (литературу см. *Langella. Op. cit. P.13–14. Not. 51*), однако их аргументы не представляются мне убедительными.

²³ Ср. примеры аналогичных легенд: *Dougherty C. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. N.Y. – Oxf., 1993. P. 65–67, 70–72, 85–89.* Вряд ли здесь можно говорить о символическом брачном союзе между греками (божество) и местным населением (нимфа), или о символике аккультурации варварских земель, осуществляемой греками, как полагает автор. Против этого свидетельствует греческая генеалогия

вполне вероятно, первоначально существовала лишь в ранней мифографической литературе, вроде «Генеалогий». Она не была единственной попыткой объяснения названия Синопы: Ферекид, например, производил его от имени одного из спутников Одиссея по имени Синоп (FGrHist 3 F 144), которому он, очевидно, приписывал основание города. Правда, это объяснение, по-видимому, не имело большого успеха, и, во всяком случае, нам не известен ни один последователь Ферекида. Вероятно, это объясняется тем, что большинство античных авторов локализовало приключения Одиссея в Италии, а не на Черном море.

Трудно сказать, существовала ли традиция о нимфе Синопе в какой-то форме не только в литературе, но и в местной городской традиции. Вряд ли подтверждением этого могут быть чеканившиеся там монеты с изображением Синопы²⁴: здесь, как во многих других случаях, речь идет скорее просто о персонификации города.

Превращение нимфы Синопы в амазонку, видимо, датируется достаточно поздним временем и связано с тем, что страна амазонок в течение всей античности локализовалась в районе Синопы. В известных источниках амазонка по имени Синопа впервые упоминается в одном из фрагментов «Перипла Понта» Андрона Теосского (FGrHist 802 F 3 = Schol. Apoll. Rhod. II. 946/954 c, 197 Wendel, cf. Etym. Magn. s.v.), современника Александра Македонского и участника его походов (Agr. Ind. 18.8): ὁ δὲ Τήσιος Ἀνδρῶν φησὶ μίαν τῶν Ἀμαζόνων φυγεῖσθαι εἰς Πόντον γήμασθαι τῷ τῶν τόπων ἐκείνων βασιλεῖ, πίνουσάν τε πλείστον οἶνον ὀνομασθῆναι Σανάπην [ἐπειδὴ μεταφραζόμενον τοῦτο σημαίνει τὴν πολλὰ πίνουσάν], ἐπειδὴ αἱ μέθυσαι σανάπαι λέγονται παρὰ Θραξίν, ἣ διαλέκτῳ χρώνται καὶ Ἀμαζόνες, κληθῆναι τὴν πόλιν (Σανάπην) ἔπειτα κατὰ φθорὰν Σινώπην – «А Андрон Теосский говорит, что одна из амазонок, бежав в Понт, вышла замуж за царя тамошних мест; она пила много вина и получила прозвище "Санапа" [поскольку в переводе это значит "много пьющая"], поскольку у фракийцев женщины-пьяницы называются σανάπαι, а этим наречием пользуются и амазонки; город стали называть (Санапа), а затем из-за порчи – "Синопа"». То же слово сохранилось и в одной глоссе Гесихия, где приписывается скифам: σανάπτιν· τὴν οἰνοπότιν. Σκύθαι (согг. e οἰνώτην Scaliger). По-видимому, последнее указание на принадлежность слова верно – оно достаточно убедительно толкуется из иранского²⁵. Его первая часть содержит слово *sæp*, «вино», сохранившееся в осетинском языке, прямом потомке скифо-сарматских диалектов. Вторая часть объясняется из санскритских *piti-*, «напиток», *pita-*, «напившийся», авестийского *paу-*, «наполняться, набухать» (ср. также сарматское имя из Ольвии Σάναγος, букв. «Виноед», οἰνοφάγος).

Всё сообщение Андрона производит впечатление созданной ad hoc народной этимологии, основанной на созвучии названия города и ставшего известным автору скифского слова (смешение фракийцев со скифами достаточно обычно в античной литературе). Само слово, по-видимому, стало известно Андрону из какого-нибудь не дошедшего до нас стихотворного произведения, вроде знаменитого стихотворения Анакреонта, сохранившегося у Афиня (356 Page = Athen. X. 427 a–b), в котором «скифская попойка» (Σκυθηκὴν πόσιν), сопрядаемая шумом и воплями

многих нимф, которые далеко не всегда являются местными (например те же Азопиды), а также и то, что во многих случаях они становятся прародительницами не колонистов, а местных варварских народов. Ср. Miller Th. Die griechische Kolonisation im Spiegel litterarischer Zeugnisse (Classica Monacensia. Münchener Studien zur Klassischen Philologie. 14). Tübingen, 1997. S. 87 – автор отмечает, что построенные по этой схеме мифы редко и лишь в позднее время связывались с основанием колоний, а чаще с происхождением местных народов.

²⁴ Höfer. Sinope // RL. 1909–1915. IV. Sp. 948.

²⁵ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iraner in Südrubland. Lpz. 1923. S. 50; Абиев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. III. М., 1979. С. 67–68; он же. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 298. 302; ср. Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1976². S. 420; Dumézil G. Romans de Scythie et d'alentour. P., 1978. P. 242–243.

(πατάγῳ τε κάλαητῶ), противопоставляется благородной манере питья под гимны (καλοῖς | ὑποπίνοντες ἐν ὕμνοις). У скифов уже с достаточно раннего времени была прочная репутация пьяниц, безобразно напивающихся неразбавленным вином. Так, Геродот (VI. 84) рассказывает историю о том, как скифы споили спартанского царя Клеомена, доведя его до безумия, после чего якобы и вошел в употребление глагол ἐπισκυθίζειν, означающий «пить неразбавленное / слабо разбавленное вино» (ср. Chamel. Hecaecl. apud Athen. X. 427 b–c). Вероятно, неразбавленное вино называется «скифским питьем» и в одной из сатировских драм Ахея Эретрейского, примерно ровесника Еврипида (см. Suda, s.v.), хотя текст в этом месте испорчен (TGF 20 F 9 Snell). Весьма живописное описание мертвеца пьяного невежды-скифа (или персонажа, который с ним сравнивается) дает эллинистический ямбический поэт Парменон Византийский (fr. 1 Powell = Athen. V. 221 a–b):

ἀνὴρ γὰρ ἔλκων οἶνον, ὡς ὕδωρ ἵππος,
 Σκυθιστὶ φωνεῖ, κοῦδὲ κόππα γινώσκων...
 κέϊται δ' ἀναυδος ἐν πίθῳ κολυμβήσας
 κάθπτνος, ὡς μήκωνα φάρμακον πίτων
 «муж, поглощающий вино, как воду конь,
 говорящий (только) по-скифски и не умеющий написать
 ни буквы (букв.: не знающий коппы)...
 лежит, не в состоянии сказать ни слова, плавая в пифосе,
 уснув, будто выпил опия».

Скифское пьянство, таким образом, не только вошло в поговорку, но и было достаточно частой темой в поэзии, особенно застольной. В этой связи необходимо упомянуть также один пассаж из «Законов» Платона (I. 637 e), согласно которому скифы и фракийцы не только сами пьют неразбавленное вино, но так же у них поступают и женщины (γυναῖκες τε καὶ αὐτοί), причем они разливают вино по одежде и считают это прекрасным обычаем (καλὸν καὶ εὐδαίμων ἐπιτήδευμα ἐπιτηδεύειν νεομίκασι). Таким образом, славу пьяниц со скифами разделяли и фракийцы²⁶, причем Платон специально отмечает, что у тех и другим напиваются не только мужчины, но и женщины. Весьма вероятно, что в каком-то стихотворном произведении упоминалось не просто скифское и фракийское пьянство (видимо, в качестве отрицательного примера), но и более конкретно – пьяные скифянки или фракиянки (или и те, и другие), и называлось обозначающее их скифское слово. Подтверждением этого является явно независимая от Андрона и лучше передающая оригинал глосса Гесихия, указания которого, как правило, имеют в виду конкретные литературные тексты (недаром у него это слово стоит в аккузативе, очевидно, как в подразумеваемом пассаже). Основываясь на этом тексте и приписав соответствующее слово не скифам, а фракийцам (это могло быть связано не только с обычным их смешением, но и с тем, что представление о фракийском происхождении населения Вифинии и Пафлагонии было общепринятым), Андрон, видимо, и создал свою этимологическую конструкцию. Вряд ли она имеет какую-либо основу в местной традиции – это ученое построение чисто литературного происхождения. О склонности Андрона к подобной этимологизации свидетельствует и второй из трех сохранившихся его фрагментов, где он объясняет происхождение топонимов в окрестностях Гераклея (FGrHist 802 F 1).

Андрон назвал свою «Санапу» амазонкой, и это объясняется как тем, что область мифических амазонок локализовалась поблизости от Синопы, так и связью их образа со скифами и родственными им сарматами, которая была общим местом в античной литературе. Кроме того, в данном случае могло сыграть роль и то, что «санапы» не уступали скифским мужчинам не только в войне, но и в другом мужском занятии –

²⁶ Ср. другие примеры этого стереотипа в отношении фракийцев: Hall E. *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxf., 1989. P. 133–134.

пьянстве. Наконец, существенно, видимо, было также, что амазонки считались основательницами и эпонимами многих малоазиатских городов, в частности Эфеса, Смирны и др. (Ephor. F 144 Jacoby; Strabo. XI. 5. 4; XII. 3. 21; XIV. 1. 4; Just. II. 4.15; Tac. Ann. IV. 56 и др.). Основываясь на этой традиции, Андрон мог предположить, что основательница Синопы, название которой напоминало скифское или фракийское (по его мнению) слово, была амазонкой, как и основательницы других малоазиатских городов.

В том же схолии к Аполлонию Родосскому сохранилось и еще одно упоминание пьяной амазонки, которое приписано Гекатею: ἡ δὲ μέθυσοσ Ἀμαζὼν ἐκ (ταύτης) τῆς πόλεωσ παρεγένετο πρὸσ Λυτίδαυ, ὡσ φησιν Ἐκαταῖοσ – «пьяная амазонка из (этого) города пришла к Литиду, как говорит Гекатей»²⁷. Не ясно, как оно связано с предыдущим рассказом, тем более что персонаж по имени Λυτίδασ или омонимичный топоним нигде более не упоминаются. Ж. Дюмезиль предложил видеть в этом слове передачу скифского названия пива aluθ- (ср. имя Ἀλουθαγοσ, осетинское æluton) и переводить его как «donneur de bière»²⁸. В принципе такое толкование не исключено, однако за отсутствием контекста это предположение, как и то, что объяснение данного имени следует искать именно в иранском материале, трудно подтвердить²⁹. Ф. Якоби включает этот отрывок в число фрагментов Гекатея Милетского (FGrHist I F 34, ср. F 7), однако не менее вероятно, что он принадлежал Гекатею Абдерскому. В схолиях к Аполлонию Родосскому не цитируется «Перизгеза» первого, куда данный отрывок лучше всего подходил бы, а только его «Генеалогии»³⁰. Напротив, сочинение Περὶ Ὑπερβορέωυ Гекатея Абдерского цитируется в схолиях к Аполлонию Родосскому (FGrHist 264 F 10). В случае, если этот фрагмент восходит к Гекатею Абдерскому, можно предполагать его зависимость от Андрона.

Этимологическая конструкция Андрона, очевидно, несовместима с традицией о нимфе Синопе, дочери Азопа, похищенной Аполлоном или Зевсом, и находится вне рамок этой мифологической традиции, к которой принадлежит подавляющее большинство упоминаний Синопы в античной литературе. Кроме Андрона Синопу считает амазонкой лишь автор перипла Псевдо-Скимна, который опирался прежде всего на предшествующий опыт создания периплов Понта, а Андрон был автором именно такого сочинения. Подтверждением этого является и упоминание им левкосирийцев как местных жителей, причем он не говорит об их происхождении от Синопы, что было частью традиции о нимфе, дочери Азопа.

После Псевдо-Скимна амазонку Синопу упоминает лишь Орозий (Adv. Pagan. I. 15. 6) в своем изложении истории амазонок. В этом пассаже он почти дословно пересказывает юстиновскую эпитаому Помпея Трога (II. 4). Единственное изменение, которое вносится в текст, – это замена дочери царицы амазонок Оритии, сохранявшей вечную девственность (впрочем, далее у Орозия она фигурирует: I. 15. 8), на Синопу, причем она характеризуется практически теми же словами, что Орития у Юстина. Видимо, это замещение принадлежит самому Орозию и объясняется влиянием наиболее популярной версии мифа о нимфе Синопе. Согласно этой версии, когда влюбленный в Синопу Аполлон (или Зевс) пообещал выполнить любое ее желание, она захотела остаться девственной и сохранила свою девственность навсегда. Эта версия известна начиная с Аристотеля (Arist. fr. 581 Rose, ср. Apoll. Rhod. II. 946–954; Val. Flacc. V. 110–113; Dion. Per. 773–779) и была достаточно популярна и в Византии (Etym. Magn., s.v.; Eustath. Dion. Per. 775). Разумеется, она противоречит другой вер-

²⁷ Гекатею принадлежит только эта фраза; предыдущий рассказ заимствован у Андрона. Ссылки на то, что амазонку Синопу упоминает уже Гекатей (Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.–Л., 1956. С. 38; Sakellariou. Op. cit. P. 65 и др.) ошибочны. Упомянул ли Гекатей слово «санапа» – не ясно.

²⁸ Dumézil. Op. cit. P. 244–245.

²⁹ Толкование этого имени как эпитета Диониса (Langella. Op. cit. P. 29–30) основано лишь на сомнительном этимологическом сближении и на мой взгляд совершенно неприемлемо. Соответственно и гипотеза о «дионисийском» характере данной традиции (ibid. P. 27–34) построена на песке.

³⁰ FGrHist. I a². 1957. S. 328.

сии, согласно которой нимфа Синопа была прародительницей левкосирийцев, и несовместима с ней³¹. Девственная амазонка Синопа у Орозия, таким образом, возникла из контаминации девственной амазонки Оритии Помпея Трога – Юстина, девственной нимфы Синопы распространенной мифологической традиции и, возможно, также амазонки Санапы Андрона Теосского и Псевдо-Скимна, отнюдь не девственной (она была женой местного царя)³². Упоминание амазонки Синопы, давшей название городу, у автора середины X в. Иосифа Генесия (IV. 5. 59. 4; ср. Ps.-Symeon. 637, 5–6 Bekker, из Генесия), видимо, восходит к «Периплу Понта Евксинского». Таким образом, обе представленные в источниках традиции об эпонимной героине Синопе – о нимфе, дочери Азопа, похищенной Зевсом или Аполлоном, и об амазонке имеют чисто литературное происхождение, причем последняя восходит к этимологической конструкции Андрона Теосского. Обе легенды, как и рассказ о спутнике Одиссея Синопе, вряд ли были известны в живой синопской традиции. Хотя их позднее вторичное распространение не исключено, более чем вероятно, что они всегда существовали лишь в рамках литературы.

Традиция об Автолике, Деилеонте и Флогии. Напротив, традиция о том, что Синопа была основана Автоликом и его двумя братьями Деилеонтом и Флогием, – несомненно местная. Автолик почитался в Синопе как ойкист, причем в городе имелось его святилище с оракулом³³. В 70 г. до н.э., после взятия Синопы Лукуллом, из этого святилища была вывезена культовая статуя Автолика, изготовленная афинским скульптором второй половины IV – начала III в. до н.э. Стеннидом³⁴ (Strabo. XII. 3. 11; Plut. Luc. 23; App. Mithr. XII. 83). В Синопе известно и посвящение Флогию (SIG. III. 4162), что свидетельствует о существовании и его культа³⁵. Автолик и его братья, которым приписывалось фессалийское происхождение, очевидно, были местными героями и упоминаются лишь в связи с Синопой³⁶. Позже они были включены в общегреческие

³¹ Совершенно недопустимы попытки совместить разные версии мифов в едином рассказе, пытаясь этим восстановить некую «полную версию». В результате таких попыток мы читаем, например, у М.И. Максимовой (ук. соч., с. 38), что амазонка Синопа «пытается обмануть бога и сохранить свою девственность. Однако хитрость ее не удается, и у нее рождается сын по имени Сир». Ничего подобного не знает ни один греческий источник – хитрость Синопы (нимфы, а не амазонки) как раз удалась, и она осталась девственной. Происхождение от нее сиров принадлежит другой версии, в которой нет и речи об этой хитрости.

³² А. Ланджелла (Op. cit. P. 34–36) предполагает, что в первоначальном тексте Юстина амазонка Орития носила прозвище Синопа и соответственно Орозий отнюдь не заменяет Оритию на Синопу, а воспроизводит этот первоначальный текст. Отсюда она делает вывод: Помпей Трог и более ранние авторы, говоря об Оритии, подразумевали Синопу. Единственным основанием этой более чем странной конструкции является тот факт, что в маргиналиях (!) одной поздней рукописи Юстина (cod. Vaticanus Lat. 1860; XIV в.) рядом с именем Оритии написано имя Синопы. На мой взгляд, не может быть сомнений в том, что эта маргиналия принадлежит некому эрудиту, во время чтения Юстина обратившему внимание на почти дословное совпадение его текста с текстом Орозия и указавшего на полях своей рукописи единственное существенное расхождение между двумя авторами. Очевидно, что такие маргиналии не могут служить источником для восстановления текста, в особенности, если они противоречат единогласным данным **всей** рукописной традиции. Пользуясь случаем, отмечу, что этот пример характерен для всей работы. А. Ланджеллы, которая легко выдвигает более чем смелые гипотезы, а для их подтверждения использует в высшей степени сомнительные аргументы, пренебрегая при этом не только необходимыми методическими процедурами источниковедческого анализа, но и просто требованиями здравого смысла. Более того, со своими спорными и слабо обоснованными гипотезами автор впоследствии обращается как с твердо установленными фактами и использует их в качестве базы для конструирования новых гипотез (см., например, *Langella*. Op. cit. P. 36–49). Убедительность этих гипотез «второй (а то и третьей, и четвертой) степени» окончательно приближается к нулю.

³³ Ср. *Prehn*. *Ktistes* // RE. XI, 2. 1922. Sp. 2085 – автор бесосновательно считает Автолика историческим лицом, жившим в VII в. до н.э., и реальным основателем города. Неубедительны попытки найти в легенде об Автолике свидетельство о реальном основании города в VIII в. до н.э.: *Drews*. Op. cit. P. 24.

³⁴ *Lippold*. *Sthenis* // RE. III A. 1929. Sp. 2479–2480.

³⁵ *Robinson D.M.* *Ancient Sinope*. Baltimore, 1906. P. 265, 306.

³⁶ Одноименный дед Одиссея по материнской линии – явно другой персонаж, см. *Sybel von*. *Autolykos* // RL. 1884–1886. I. Sp. 735–736.

мифологические циклы, связанные с окрестностями Синопы, и превратились в спутников Геракла в его походе против амазонок (Plut. Luc. 23; App. Mithr. XII. 83; ср. сообщение о том, что Геракл поселил в Синопе греков, изгнав оттуда амазонок, которое предполагает, что Синопа уже существовала во время Геракла: Tabula Albana, IG XIV. 1293 = FGrHist 40. 98–104) или в спутников Ясона (Strabo. XII. 3. 11; Apollodor. Bibl. I. 9. 16), причем обе традиции легко могли объединяться (Apoll. Rhod. II. 955–957; Val. Flacc. V. 113–115; Nygin. Fab. 14, 30)³⁷.

По удачному предположению Д. Ашери, аллюзия на ту же традицию об основании Синопы Автоликом имеется в почетном декрете эвбейского города Гистиея в честь Синопы (IG XII. 9. 1186), относящемся ко времени около 220 г. до н.э.³⁸ Авторы декрета используют модную в эллинистическую эпоху ссылку на мифологическое родство между двумя городами³⁹, очевидно, имея в виду существовавшую как в Гистиее, так и в Синопе традицию о происхождении первых поселенцев обоих городов из Фессалии. Сама традиция о том, что Автолик происходил именно из Фессалии, вряд ли может использоваться в качестве свидетельства наличия какого-то фессалийского элемента среди первых переселенцев Синопы, а тем более домилетской фессалийской колонии на ее месте⁴⁰. Она легко объясняется связью (очевидно вторичной) Автолика и его братьев с аргонавтами, большинство которых, в том числе и сам Ясон, считались уроженцами Фессалии. Фессалийское происхождение, кроме того, в античности приписывалось мифическим основателям многих малоазиатских городов, в том числе, например, основателю Милета Нелею или основателю и эпониму Кизика. Указание Аполлония Родосского (II. 955) на происхождение героев конкретно из фессалийского города Трикка также не свидетельствует о каких-то древних связях именно с ним. Этот город дважды упоминается в «Илиаде» (В 729; Δ 202), в том числе в «Каталоге кораблей» (родина Подалирия и Махаона, сыновей Асклепия) и, конечно, привлекал внимание эллинистических авторов. Помещение Автолика именно в фессалийскую Трикку может быть результатом собственного творчества ученого поэта Аполлония, который в своем «Каталоге аргонавтов» (II. 23–233), как известно, ориентировался в первую очередь именно на гомеровский «Каталог кораблей».

Традиция об основании Синопы милетскими переселенцами (Хаброн, Кой и Кретин). Дальнейшие сведения перипла Псевдо-Скимна также восходят к местной традиции. Здесь уже идет речь не о местном герое, относимом к легендарным временам, предшествовавшим Троянской войне, а о реальных персонажах, скорее всего бывших действительными основателями города (о том, что Синопа основана милетцами, см. также Xen. Anab. VI. 1. 15; Diod. XIV. 31. 2; Strabo. XII. 3. 11). Сосуществование двух Gründungsgeschichte, одна из которых восходит к достоверному преданию о реальном основании города, а вторая является плодом локально-патриотического мифотворчества, призванного доказать его существование еще в героические времена и включить город в общегреческие циклы легенд (мифы о Геракле, Троянский цикл, мифы об аргонавтах и т.д.) – достаточно типичное для греческих колоний явление⁴¹. При этом в

³⁷ Предложенная А. Ланджеллой (Op. cit. P. 55–88) реконструкция развития этой традиции представляется сугубо гипотетичной и недостаточно аргументированной. Совершенно умозрительны попытки связать отдельные ее элементы со столь же гипотетическим противостоянием между милетцами и беотийцами в Черном море. Также нет никаких оснований датировать окончательное оформление этой традиции временем не позже конца VI в. до н.э.; на мой взгляд его следует относить скорее к эллинистической эпохе. Ряд других утверждений, в том числе основанное лишь на сомнительных ономастических сближениях толкование Автолика, Деилеона и Флогия как трех ипостасей Аполлона, также представляются неприемлемыми.

³⁸ Asheri D. Nota sui rapporti tra Istiea e Sinope // Rivista Storica dell'Antichità. 1973. 3. P. 71–76; Ehrhardt. Op. cit. S. 56, 327.

³⁹ См. об этом: Curly O. Les parentés légendaires entre cités grecques. Catalogue raisonné des inscriptions contenant le terme συγγένεια et analyse critique. Genève, 1995.

⁴⁰ Как часто полагают: Miltner F. Die erste milesische Kolonisation im Südpontos // Anatolian Studies presented to W.H. Buckler. Manchester, 1939. S. 192; Максимова. Ук. соч. С. 40–42; Asheri. Op. cit. P. 74 и др.

⁴¹ Cp. Prinz F. Gründungsmythen und Sagenchronologie. München, 1979. S. 1–3; Leschhorn W. «Gründer der

первой традиции могли фигурировать реальные основатели города, а во второй, естественно, более поздней – общегреческие или связываемые с ними местные герои.

Наиболее вероятно, что имена реальных основателей Синопы стали известны из семейных преданий, которые потомки первых колонистов, очевидно, сохраняли весьма долгое время. В этой, а позже и в письменной традиции должны были достаточно точно сохраняться не только имена предводителей первых колонистов, но и обстоятельства, связанные с основанием города. Кроме того, легенды, связанные с основанием колоний, имели общегосударственное значение⁴², а культ ойкистов (реальных или вымышленных) находился в центре их религиозной жизни⁴³. Таким образом, эти легенды приобретали характер своеобразных *ἱεροὶ λόγοι*, им уделялось самое серьезное внимание, точность их передачи тщательно охранялась, и они быстро подвергались письменной фиксации. Празднества в честь ойкиста, почитавшегося в качестве героя, давали ежегодный повод для воспоминаний об основании города⁴⁴. Из сокращенного до шести строк пересказа Псевдо-Скимна видно, что в этой легенде существенную роль играли киммерийцы, однако детали рассказа нам уже недоступны. Упоминается, кроме того, и такая деталь: по крайней мере часть колонистов была изгнанниками из Милета⁴⁵.

В рассказе Псевдо-Скимна выделяется как бы два этапа заселения милетцами Синопы – первый связан с именем Хаброна, второй – Коя и Кретина. Первый из них в источниках больше не упоминается, два других как основатели Синопы упомянуты еще Флегонтом из Тралл (FGrHist 257 F 30 = Steph. Byz. s.v. Σινώπη⁴⁶). Не ясно, из

Stadt». Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte (Palingenesia. 20). Stuttgart, 1984. S. 116–117; Miller. Op. cit. S. 203–207 (существование двух легенд в Абдерах уже в эпоху Пиндара).

⁴² Именно с этим связана и возможность изменения политически ориентированных легенд при смене политической обстановки. Наиболее радикальным примером такого рода, видимо, является смена ойкиста в Амфиполе: когда он сменил свою ориентацию на проспартанскую, культ реального основателя города афинянина Хагнона был заменен культом погибшего спартанского полководца Брасида. Он был похоронен в Амфиполе и провозглашен его ойкистом: *Thuc.* V. 11. 1.

⁴³ Λαμπρός Σ.Π. Τὰ κατὰ τοὺς οἰκιστὰς τῶν παρ' Ἑλλήσιν ἀποικίων καὶ τὰς αὐτοῖς ἀποικιομένης τίμας καὶ προνομίας. Diss. B., 1873; *Leschhorn.* Op. cit. S. 98–105, 339–343; *Malkin* I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden – New York – København – Köln, 1987. P. 189–240; *Dougherty.* Op. cit. P. 24–27; *Miller.* Op. cit. S. 195–196.

⁴⁴ Об устной традиции, границах ее достоверности и отношениях с письменной традицией, в особенности о специальных условиях, способствовавших длительному сохранению достоверных сведений в устной форме, см. подробно: *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambr., 1989; *eadem.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambr., 1992.

⁴⁵ То, что колонистов возглавляют изгнанники (политические беженцы или осужденные за преступления, обычно непреднамеренное убийство), является общим местом в легендах о колонизации (см. *Dougherty.* Op. cit. P. 31–44; ср. *Miller.* Op. cit. S. 50–60, 86–87). Это, конечно, вовсе не противоречит тому, что по меньшей мере часть подобных легенд исторически достоверна, особенно если речь идет не об убийце (несомненный фольклорный мотив), а о политических беженцах и относительно недавнем прошлом. Ср. характерное замечание Платона (Legg. 735e–736a), что колонизация – это эвфемизм политического изгнания.

⁴⁶ У Евстафия (Dion. Per. 772), заимствовавшего это указание у Стефана, оно искажено: κτίστρα κατὰ τινὰς Κριτίου ἀνδρὸς Κῶου. Евстафий понял имя второго основателя Синопы как этникон, ср. в рукописях Стефана: Κριτίου κώου, с тем же искажением имени. Предположение о том, что первоначально единственным основателем Синопы считался Кретин, а Κῶος – не имя, а этникон (*Bilabel.* Op. cit. P. 33–34; *Asheri.* Op. cit. P. 75; *Ehrhardt.* Op. cit. S. 56) кажется маловероятным, поскольку противоречит как прямому указанию Псевдо-Скимна, нашего древнейшего источника, упоминающего этих персонажей, так и общему мнению о том, что Синопа была именно милетской колонией, и отсутствию в ее надписях каких-либо следов дорийского влияния. Однако ссылки на то, что свидетельство Псевдо-Скимна якобы подтверждается независимой передачей текста Флегонта Геродианом (*Bilabel.* Op. cit. P. 31; *Максимова.* Ук. соч. С. 46–47; *Hind.* Op. cit. P. 222. Not. 36) – следствие недоразумения. Действительно, в издании А. Лентца (*Herodian.* I. 339, 21–22) имеется фраза Σινώπη πόλις διαφαιεστάτη τοῦ Πόντου, κτίστρα Κρήτιου καὶ Κῶου, ὧς φησι Φλέγων, однако она заимствована им именно из Стефана Византийского в соответствии с его убеждением (ошибочным), что чуть ли не вся информация Стефана происходит из сочинений Геродиана (*Herodiani Technici Reliquiae / Collegit, disposuit, emendavit, explicavit, praefatus est A. Lentz.* I. Lipsiae, 1867.

какого источника происходит это упоминание и является ли оно независимым от Псевдо-Скимна. Скорее всего того же основателя Синопы имеет в виду Плутарх (De Ruth. orac. 27, 408 A), когда упоминает Кретина (имя в несколько другой форме) среди ойкистов, получивших оракул пифии, предписывавший им основать колонию в определенном месте: Ἰστὲ γὰρ τὸν Χίου καὶ Κρητίον καὶ Γηρσίοχον καὶ Φάλανθον ἄλλους τε πολλοὺς ἡγεμόνας στόλων ὅσοις ἔδει τεκμηρίους ἀνευρεῖν τὴν δεδομένην ἐκάστῳ καὶ προσήκουσαν ἕδρυσιν – «Ведь вы знаете, по скольким указаниям надо было Хиосу, Кретину, Гнесиюху, Фаланту и многим другим руководителям экспедиций разыскать данное и предназначенное каждому место основания колонии». Среди перечисленных здесь персонажей хорошо известен Фалант, основатель Тарента⁴⁷, а также Гнесиох, мегарский основатель Гераклеи Понтийской (FGrHist 70 F 44 b = Schol. Apoll. Rhod. II. 351, 155 Wendel). Если идентификация синопского Кретина и Кретина Плутарха верна⁴⁸, в чем нет оснований сомневаться, учитывая редкость его имени⁴⁹, то это скорее всего свидетельствует о том, что во времена Плутарха был известен, во всяком случае в Дельфах, оракул, полученный Кретином перед отправлением в Синопу. В связи с этим следует отметить, что оракул, данный Фаланту в Дельфах, был известен в античности в разных версиях, две из которых сохранились⁵⁰. Известно также два варианта оракула, полученного основателями Гераклеи⁵¹. Независимо от того, когда был написан этот предполагаемый ответ пифии Кретино, само его существование и известность в Дельфах подразумевает, что связанная с основанием Синопы история была достаточно широко распространена и за пределами города. Косвенно о том же свидетельствует сообщение Геродота о том, что киммерийцы, вторгшись в Азию, заселили полуостров, где находится Синопа (IV. 12, ср. ниже).

Косвенным подтверждением историчности традиции об основании Синопы Кретином может служить находка в Херсонесе Таврическом остраконов второй половины V в. до н.э. с именем Κρητίνης Μυός. Они входят в серию граффити, датирующихся периодом между началом и концом V в. до н.э. (согласно последней публикации, их извест-

P. CXXXVI–CXXXVII). При этом А. Лентц, как и в других случаях, практически не обращал внимания на состояние текста первоисточников, из которых он заимствовал предполагаемые фрагменты Геродиана, в частности, не отделяя в них рукописных чтений от конъектур (о недостатках издания см. *Schultz H. Herodianus* // RE. VIII, 1. 1912. Sp. 961–962). Таким образом, якобы независимое «свидетельство Геродиана» – не что иное, как все та же фраза Стефана Византийского с конъектурой А. Майнеке.

⁴⁷ *Türk G. Phalantos* // RE. XIX, 2. 1938. Sp. 1623–1625; *Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité: l'histoire et la légende*. P., 1941. P. 176–186; *Schmid P.B. Studien zu griechischen Ktisissagen*. Diss. Freiburg in der Schweiz, 1947. S. 126–128; *Leschhorn*. Op. cit. S. 31–41; *Malkin*. Op. cit. P. 47–52, 216–221.

⁴⁸ Ср. *Bürchner L. Die Besiedlung der Küsten des Pontos Euxeinus durch die Milesier*. Historisch-philologische Skizze 1. (Programm der Königlichen bayerischen Studienanstalt zu Kempten). Kempten, 1885. S. 55. Anm. 1; *Bilabel*. Op. cit. S. 31–32.

⁴⁹ В родосском Камиресе известна патра под названием Κρητινάδαι (*Segre M., Pugliese Carratelli I. Tituli Camirenses* // *Annuario della Scuola Archeologica di Atene*. N.S. 11–13. 1952. P. 143–145, № 1–2, ср. *Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln*. B., 1969. S. 12–13) (благодарю А. Брессона за это указание). Однако персонаж по имени Кретин, игравший роль в легендах об основании города, неизвестен. Основателем Камиреса считался Алтемен, культ которого засвидетельствован в городе, см. *Bresson A. Deux légendes rhodiennes* // *Les grandes figures religieuses*. P., 1986. P. 411–421, особ. 414. Название патры, очевидно, связано с древней Кретиния, находившейся в окрестностях города, и, вероятно, с критским происхождением, которое приписывалось Алтемену.

⁵⁰ *Parke H.W., Wormel D.E.W. The Delphic Oracle. II. The Oracular Responses*. Oxf., 1961. P. 20–21, 211, № 46–47, 525–526; *Fontenrose J. The Delphic Oracle*. Berkeley – Los Angeles – London, 1978. P. 280–281, № Q 34–36, здесь же см. другие оракулы, связанные с основанием колоний, большинство которых было, очевидно, написано post eventum. О дельфийских оракулах, относящихся к основанию колоний, см. *Schmid*. Op. cit. S. 94–137; *Parke, Wormell*. Op. cit. I. P. 49–81; *Fontenrose*. Op. cit. P. 137–144; *Leschhorn*. Op. cit. S. 105–109; *Malkin*. Op. cit. P. 17–91; *Dougherty*. Op. cit. P. 18–21, 45–60; *Miller*. Op. cit. S. 88–144.

⁵¹ *Parke, Wormel*. Op. cit. II. P. 162–163, № 401 (= *Apoll. Rhod. II*, 846–850), 402 (= *Iustin. XVI*. 3.4); *Fontenrose*. Op. cit. P. 299–300, № Q 94. Ср. *Malkin*. Op. cit. P. 73–77.

но 45)⁵². Острака использовались, по всей вероятности, для голосования при выборах магистратов или остракизме (в своей последней публикации Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев, поддерживавшие первоначально первую точку зрения, склонялись ко второй) и принадлежат к самому раннему слою Херсонеса. Этот слой относится к первому поселению, основанному здесь в конце VI в. до н.э. (Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев датируют основание города 528/7 г. до н.э.). На острака преобладают дорийские (мегаро-беотийские) имена, однако некоторые из них – ионийские, причем с явной милетской окраской⁵³. При этом в ранний период существования Херсонеса (по меньшей мере до середины V в. до н.э.) в городе параллельно (очевидно, двумя разными группами жителей) использовалось мегарское и милетское письмо; впоследствии второе полностью вытесняет первое. Все это свидетельствует о присутствии в составе населения древнейшего Херсонеса, наряду с основной массой колонистов, бывших выходцами из дорийской Гераклеи и их потомками, достаточно значительной группы милетского происхождения, возможно, переселившейся из Синопы (учитывая ее активную колонизационную деятельность)⁵⁴. К этой группе граждан Херсонеса принадлежал и Κρητίης Μυός, явно ионийское имя которого сохранилось на четырех остраконах, причем выполненных как милетским, так и мегарским письмом. Таким образом, один из представителей херсонесской элиты второй половины V в. до н.э., семья которого, по всей вероятности, происходила из Синопы или, менее вероятно, из другой милетской колонии или самого Милета, носил редкое имя Кретина. Нельзя исключать того, что он был связан с семьей синопского ойкиста или был назван в его честь. То же имя засвидетельствовано в боспорской надписи (КБН 1036) эпохи Перисада II (284 – ок. 245); население Боспора, как известно, имело в основном милетское происхождение, как и население Синопы.

На первый взгляд, в рассказе Псевдо-Скимна имеется противоречие. Согласно этому рассказу, основатель Синопы Хаброн был убит киммерийцами. Таким образом, первое основание города милетцами было примерно синхронно нашествию киммерийцев, или, если предшествовало ему, то ненамного, и находилось в рамках того же поколения (что для поздних хронографов в отношении VII в. до н.э. в большинстве случаев означает синхронность)⁵⁵. Далее говорится, что «после киммерийцев» (μετὰ

⁵² Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Древнейший Херсонес // Причерноморье VII–V вв. до н.э.: Письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1990. С. 57–74 = *Vinogradov Ju., Zolotarev M. La Chersonèse de la fin du l'archaïsme // Le Pont Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Symposium de Vani (Colchide), septembre-octobre 1987 (Annales Littéraires de l'Université de Besançon. 427). Besançon, 1990. P. 94–109* (та же статья переиздана: *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 405–419* с добавлением Addenda, учитывающих некоторые новые острака); Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 106–114.

⁵³ Виноградов, Золотарев. Херсонес изначальный. С. 126.

⁵⁴ Пример Херсонеса Таврического, в котором на раннем этапе его истории с полной несомненностью засвидетельствовано сосуществование ионийского и дорийского элемента, опровергает расхожее мнение о том, что дорийцы и ионийцы не основывали совместных колоний. См., например, *Miller*. Op. cit. S. 30. Впрочем, и другие примеры сосуществования дорийцев и ионийцев в рамках одной колонии известны, см., например, *Thuc.* VI. 5. 1 (Гимера).

⁵⁵ Это обстоятельство часто игнорируется сторонниками теории «ранней» или «докиммерийской» колонизации Южного Понта, которые датируют поселение Хаброна ранним временем, например серединой VIII в. до н.э.: *Milner*. Op. cit. P. 192; *Graham*. Op. cit. P. 34, и др. В таком случае Хаброн должен был прожить Мафусаилов век, чтобы его могли убить киммерийцы. М.И. Максимова хотя и отмечает, что Хаброн был убит киммерийцами, все же датирует его первой половиной VIII в. до н.э. (ук. соч., с. 42–46). Предлагаемая ею картина совершенно фантастична. Не говоря уж о том, что она датирует появление киммерийцев в Синопе и разгром милетского поселения серединой VIII в. до н.э., что противоречит всем известным сведениям об их походах, она заставляет их населять полуостров Синопы, как известно, отрезанный от хинтерлянда горами и удобный только для мореходов, в течение более 100 лет, а потом его покинуть, чтобы завоевать Азию. Каким образом это совмещается с ее же представлениями о киммерийцах как кочевниках, остается неясным. Уход киммерийцев из Синопы, после которого, по ее мнению, они

Κίμμεροις) Кой и Кретин восстановили город. При этом уточняется, что данное событие произошло, «когда киммерийцы совершили набег на Азию». Таким образом, второе основание города оказывается, с одной стороны, синхронным набегу киммерийцев, а с другой – более поздним. Вряд ли такое противоречие могло содержаться в источнике Псевдо-Скимна, вероятно, основанном в значительной степени на местной традиции и излагавшем связную историю Синопы или во всяком случае ее основания. Скорее всего, оно возникло в результате сокращения этого рассказа Псевдо-Скимном. Он сохранил структуру рассказа, но сократил его до 11 строк: вначале излагается мифическая «праистория» Синопы, включая легенду об ее ойкисте Автоликке (сткк. 987–991), затем – история основания города в историческую эпоху, в ходе которой колонистам пришлось выдержать борьбу с киммерийцами (сткк. 992–995). В последних двух строках (996–997) дается датировка этого события в форме, характерной для доалександрийской эпохи – по синхронизму с каким-либо известным событием. Такое событие в данном случае – набег киммерийцев на Азию, служивший для хронографов точкой опоры и в ряде других случаев (например при попытках датировать время жизни Гомера, Архилоха или Каллина). Противоречие между двумя частями рассказа, событийной и датировочной, таким образом, мнимое и возникает лишь в результате употребления Псевдо-Скимном не очень удачных формулировок. Сама датировка, видимо, принадлежит автору источника Псевдо-Скимна и выводится им из содержания синопских преданий об основании города. Эта датировка позволяет сделать некоторые существенные выводы о содержании рассказа источника Псевдо-Скимна, а следовательно, и реконструировать некоторые детали синопской Gründungs-sage. Достоверность этой местной традиции должна быть достаточно большой, поскольку она восходит в конечном счете к непосредственным участникам событий.

Поскольку основание Синопы Коем и Кретином датируется по набегу киммерийцев и с ним же связано и убийство Хаброна, можно полагать, что все изложенные Псевдо-Скимном в сткк. 992–996 события достаточно близки друг другу по времени и что все три основателя города принадлежали к одному и тому же поколению (возможно, Хаброн старше на одно поколение, но не более). Обе попытки милетцев обосноваться в Синопе, следовательно, не были разделены значительным промежутком времени. Таким образом, синопская традиция не содержала сведений о сколько-нибудь длительном пребывании киммерийцев в Синопе – речь шла или о нескольких годах, или просто о разрушительном набеге⁵⁶.

Похожая история, связанная с киммерийцами, сохранялась также в традиции Самоса и Приены. Как явствует из письма Лисимаха к гражданам Самоса (283/2 г. до н.э.), эта история не только была хорошо известна в III в. до н.э., но и использовалась в качестве исторического аргумента в тяжбе между Самосом и Приеной относительно права владения местечком Батинетида⁵⁷. Согласно этой надписи, когда киммерийский царь Лигдамис захватил Ионию, он завладел и Батинетидой, а ее жители бежали на Самос (сткк. 14–18, 29–31). Лигдамис удерживал городок несколько лет, даже точное

захватили Сарды, М.И. Максимова почему-то датирует 632 годом до н.э., что также противоречит свидетельствам источников. Ср. *Hind. Op. cit.* P. 212–213. Предположение В. Паркера (*Op. cit.* P. 9, 31) о том, что греческая колония в Синопе существовала уже в начале VII в. до н.э. и именно тогда была разрушена киммерийцами, также совершенно безосновательно и не подтверждается никакими аргументами.

⁵⁶ Предположение о том, что киммерийцы обитали в течение одного или двух поколений на месте Синопы (*Hind. Op. cit.* P. 214; *Parker V. Zur griechischen und vorderasiatischen Chronologie des sechsten Jahrhunderts v. Chr. unter besonderer Berücksichtigung der Kypselidenchronologie // Historia.* 1993. 42. S. 31), крайне маловероятно. Синопа, гористый мыс (сам город расположен на узком перешейке, соединяющем его с материком), территория которого отделена горами от хинтерлянда, по своим географическим условиям непригоден для длительного пребывания кочевников, какими были киммерийцы. Нет и никаких археологических данных о пребывании киммерийцев на месте античного города. Здесь, как и в других случаях, связанных с киммерийцами, следует, очевидно, говорить о разрушительном краткосрочном набеге, а не о заселении разрушенного города.

⁵⁷ *Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period.* Roma, 1966. P. 45–51, № 7.

число которых было известно (в надписи сохранилась лишь конечная *альфа*, в лакуне восстанавливается *τρία, ἑπτὰ* или *δέκα*), а затем жители вновь смогли туда вернуться. Вряд ли, конечно, Лигдамис со своими киммерийцами действительно жил в течение этого периода именно в Батинетиде – речь скорее всего идет просто о периоде, когда область была покинута греками после разрушительного набега. Впрочем, по-видимому, они вернулись на старое место вскоре после того, как это стало относительно безопасно. Вполне вероятно, что подобный характер имела и традиция Синопы, с той лишь разницей, что там она была еще связана и с историей основания города. Слова Псевдо-Скимна *μετὰ Κιμμερίους* по аналогии с самосской традицией вполне могут быть поняты как указание на набег киммерийцев и на последующий за ним краткий период, когда Синопа была покинута и считалось, что ею владеют киммерийцы.

Итак, синопская традиция может быть восстановлена следующим образом. Первоначально милетец Хаброн во главе группы колонистов обосновался здесь, но вскоре был убит киммерийцами. Не ясно, находились ли они в окрестностях Синопы уже к моменту прибытия милетских колонистов или появились здесь вскоре после этого. Историчность пребывания киммерийцев в соседних районах вряд ли может вызывать сомнения и подтверждается свидетельствами клинописных источников⁵⁸ и археологическими данными – находкой кочевнического погребения в Имирлере, к югу от Синопы⁵⁹. Киммерийцы, видимо, разрушили первое поселение милетцев. Вскоре, однако (как в случае с Батинетидой, традиция могла сохранять и точное число лет, нам, к сожалению, не известное), они вернулись во главе с изгнанныками Коем и Кретином и восстановили (*συνοικήζουσι*, см. выше) разрушенное поселение. Перед отправлением они получили в Дельфах оракул, предписывающий им восстановить Синопу. Не ясно, получили ли они этот оракул в действительности, или он был создан *post eventum*, но в любом случае получение оракула и, видимо, его текст, скорее всего, составляли часть традиции. Эта традиция, по всей видимости вполне достоверная в основных чертах, стала известна за пределами Синопы достаточно рано – знакомство с ней обнаруживает уже Геродот (IV. 12). Вполне вероятно, что он получил свою информацию о Синопе и ее связи с киммерийцами в Дельфах – если оракул, данный Кретиному, был известен во времена Плутарха, то он вполне мог быть известен и во времена Геродота. Возможно, этот оракул, скорее всего упоминающий киммерийцев, был единственным источником сведений Геродота по истории Синопы (она упоминается еще лишь дважды, оба раза в чисто географическом контексте: I. 76; II. 34). В таком случае понятно, почему он, вопреки синопской (и, вероятно, милетской) традиции, считал синопский полуостров незаселенным до нашествия киммерийцев⁶⁰. Широкое использование Геродотом дельфийских оракулов в ряде других случаев хорошо известно⁶¹. Вполне возможно, что прибывшие на место Синопы милетские колонисты были одними из первых ионийских греков, непосредственно столкнувшихся с киммерийцами, а пережившие киммерийский разгром спутники Хаброна могли принести в Милет первые достоверные и достаточно подробные сведения о степных кочевниках.

Таким образом, среди легенд об основании Синопы можно различить три традиции, имеющие различный характер и происхождение. Согласно первой, Синопа была основана нимфой Синопой, дочерью Азопа, похищенной Аполлоном и перенесенной в Малую Азию. По первой версии легенды она стала предком местного народа левкосийцев, по второй – хитростью сохранила свою девственность. Эта традиция, вне вся-

⁵⁸ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996.

⁵⁹ Ünal V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien // BAVA. 1983. 4. S. 65–81; Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift Kurt Bittel. I. Mainz, 1983. S. 268–269. Cp. Ivantchik A. Das Problem der ethnischen Zugehörigkeit der Kimmerier und die kimmerische archäologische Kultur // Prähistorische Zeitschrift. 1997. 72. S. 25–28.

⁶⁰ Вопреки мнению В. Паркера (Bemerkungen... S. 9. Anm. 8), эти обстоятельства заставляют усомниться в том, что Геродот черпал свои сведения о Синопе из милетского источника.

⁶¹ См. специально: Oeri A. De Herodoti fonte Delphico. Diss. Basileae, 1899.

кого сомнения, имеет книжное происхождение: лежащая в ее основе легенда вполне банальна и основана на хорошо известной в генеалогической и этнографической литературе схеме. Данная легенда была видоизменена Андроном Теосским, заменившим в ней нимфу на амазонку. При этом он основывался на сходстве названия Синопы со скифским словом, обозначающим пьяниц, а также на традицию, согласно которой страна амазонок находилась неподалеку от Синопы. Другое объяснение названия Синопы было предложено Ферекидом, согласно которому одного из спутников Одиссея звали Синопом. Все эти версии имеют чисто книжное происхождение и никогда не существовали за пределами ученой литературы.

В самой Синопе сосуществовали две легенды об основании города. Согласно первой, он был основан тремя братьями – Автоликом, Деилеонтом и Флогием, участвовавшими в походе Геракла против амазонок или в экспедиции аргонавтов. Все трое, вероятно, почитались в городе в качестве ойкистов, и во всяком случае героев. Эта легенда является плодом локально-патриотического мифотворчества, целью которого было продлить прошлое города до героической эпохи и включить его в панэллинскую мифическую историю. Наряду с этой легендой синопцы сохраняли также и рассказ об основании города, имеющий исторический характер. Эта традиция включала реальные обстоятельства основания и имена основателей. Две последние легенды сосуществовали в местной традиции Синопы и были заимствованы из нее в литературу.

Рассмотренный материал позволяет говорить о трех основных типах легенд об основании греческих городов, которые, как показывает пример Синопы, могли легко сосуществовать. К первому принадлежат плоды литературного творчества ученых эрудитов, основанные на топосах, этимологических изысканиях и т.п., ко второму – легенды локально-патриотического характера. Наконец, легенды третьего типа восходят к исторической традиции, вначале устной, а затем письменной.

THE FOUNDATION OF SINOPE. LEGENDS AND HISTORY IN THE CLASSICAL TRADITION

A.I. Ivantchik

The article considers different legends about the foundation of Sinope retold in «Periplos» of Pseudo-Skymnos (986–997 Diller) and some other sources. These legends belong to three distinct traditions of different character and origin.

According to the first tradition, Sinope was founded by the nymph Sinope, daughter of Asopos, raped by Apollo and brought to Asia Minor. One version tells that Sinope gave birth to the people named Leukosyrioi, another that she preserved chastity. This version is of literary origin and is based upon a well-known topos of genealogical and ethnological literature. It was modified by Andron of Teos, who substituted an Amazon for the nymph. Besides, he plays upon the similarity of Sinope's name with Scythian word denoting a drunkard, and resorts to the tradition which localized the land of Amazons near Sinope.

Another explanation of the name was proposed by Pherecydes who tells that one of Odysseus' companions was called Sinopos. All these versions never existed beyond scholarly literature. In Sinope itself two legends of its foundation existed. According to the first one, the city was founded by three brothers: Autolykos, Deileon and Phlogios who took part in Heracles' expedition against the Amazons and in the travel of Argonautae. All the three must have been worshipped as oikistes in the city, or at least heroes. This legend was produced by local patriotism striving to date the origin of the city back to the heroic times and to include it into Panhellenic mythological history. At the same time the citizens of Sinope preserved a historical account of their city's origin, mentioning some real circumstances and the founders names: Habron, Koos and Kretines. These two last legends existed in Sinope and found their way into literature.